

УДК 321.01. (575.2) (04)

**ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА**

А. Дононбаев – проф.
КНУ им. Ж. Баласагына

This article reflects the problem of conceptual – institutional measures of political culture of a person in the context of its inter – action with civil society and political state.

Институционализация совершается в пространстве активного взаимодействия функциональных задач, решаемых политическими организациями, и реальной ролью, исполняемой ими в обществе. Она имеет две стороны: организационно-функциональную и социально-психологическую. Мыслитель эпохи французского Просвещения Ш. Монтескье подчеркивал, что людьми правят как законы, так и не установленные законами нравы. Это означает, что поведенческие ориентации людей формируются не только законодательными, но культурно-цивилизационными институтами. Следовательно, процесс институционализации выходит за пределы установленных норм, унифицированных правил и вторгается в пространство человеческих нравов и ценностей. Решающую роль в формировании и функционировании институциональных структур играют живые люди, которые в ходе своей повседневной практической деятельности постоянно производят и воспроизводят их.

“Человеческое лицо” институционализации в значительной мере зависит от ценностей – субъективных предпочтений людей, их представлений о желательности или нежелательности тех или иных общественных явлений и значимости происходящих событий. В

данном случае речь идет о действиях человека, а они в силу отмеченных обстоятельств, спонтанны, свободны. Поэтому любое состояние политической институционализации характеризуется вариативностью и нелинейностью. В данном случае решающую роль играет политическая культура.

Английский социолог Э. Гидденс теоретически описал структурные свойства общественных систем, в том числе и политических институтов, как двойственный феномен: структура – одновременно и средство, и результат практической деятельности. Иначе говоря, люди в своей деятельности используют в качестве ресурса существующие структуры – системы социально-политических отношений, регулирующие их правила и нормы, а также институты, но наряду с тем влияют на эти структуры, частично воссоздавая, частично меняя их. С точки зрения английского социолога, лишено всякого смысла противопоставление субъекта и объекта – объективно существующих свойств социальных и политических структур реально воспроизводящим их в своей деятельности субъектам (людям), так как материализация в первых результатов активности вторых создает эффект органичного соединения, нерасторжимого слияния. В этой

связи ученый отказался от понятия “структура”, которое, по его мнению, фиксирует в окружающей действительности лишь статические моменты, и заменил его динамической категорией “структурация”¹.

Концепция Гидденса подверглась конструктивной критике исследователями, доказывавшими, что в ситуациях, когда речь идет о взаимоотношениях между социально-политическими структурами и людьми, образующими общественную систему, действуют другие механизмы. На этом уровне обобщения структуры являются для “субъектов” (людей) не только средством их активности и ее результатом, но чаще всего внешней принудительной силой (“объектом”). Здесь действует отрицаемый Гидденсом субъектно-объектный механизм взаимодействия. В истории широко известны множество социально-политических систем прошлого – “азиатский деспотизм”, имперские государства, абсолютистские монархии, тоталитарные режимы, организованные таким образом, чтобы лишить подавляющую массу населения всякой возможности индивидуального выбора и активного участия в социально-политических преобразованиях.

Анализируя этот процесс, Н.П. Музелис отмечает возможность институциональных изменений таких социальных и политических структур лишь тогда, когда субъект (народ) в своей основной массе дистанцируется от привычно устоявшихся правил, “чтобы поставить их под вопрос или принять стратегию их трансформации”². Он выделяет два типа инновационных механизмов.

Во-первых, это активная позиция элитных групп, роль которых в процессе институционализации уподобляется функции архитекторов, инженеров и менеджеров в строительстве. И действительно, воспроизводство или преобразование политических структур, а также характер таких институциональных процессов зависят в огромной степени от активных усилий индивидов и групп, причисляемых к “политической элите”, “политическому классу” –

¹ См. подробно: Гидденс Э. Социология. – М., 1999.

² См.: Mouselis // Back to Sociological Theory. The Construction of Social Orders. – N.Y., 1991.

высших должностных лиц аппарата, лидеров партий, депутатов законодательных органов, экспертов-политологов и других, которые функционально призваны обслуживать деятельность государственных органов.

Во-вторых, разумеется, таким радикальным механизмом оказывается размах и глубина социальных, политических движений, неизбежно меняющих всю институциональную основу общественной жизни. Разумеется, например, воздействие массы рядовых граждан на институциональные преобразования в сфере политической власти в значительной степени носит весьма сложный и опосредованный характер.

Комментируя эти концептуальные положения, современные социологи и политологи выделяют два взаимосвязанных, но принципиально различающихся механизма институционализации. С одной стороны, социально-политические институты предстают в облике функциональных органов государства, таких, как парламент, суд, партии и т.д. В данном случае речь идет о двух классах политических явлений: об учреждениях с организованной структурой, управляющим центром и исполнительским аппаратом; о формах и сущности функций, отношений и типов управления. С этой точки зрения, превращение политических явлений в организованное учреждение, формализованный, упорядоченный процесс, характеризует существенно значимые черты и свойства процесса институционализации.

С другой стороны, социально-политические институты принимают облик либо систем формализованных правовых норм, предписывающих определенную дисциплину и правила поведения, в соответствии с которыми политические институты осуществляют свою деятельность, либо формализованных и неформализованных норм и ценностей, усвоенных и реализуемых людьми в практике повседневной жизни.

Следовательно, в определении понятия “политический институт” синтезируется ряд аспектов. Во-первых, – это функциональные органы управления и регулирования, которые: обеспечивают контроль за соблюдением установленных норм; формулируют общественные потребности и цели; организуют процесс их

реализации. Во-вторых, политические институты – установленные государственными учреждениями нормативно-ценностные системы, получившие признание в обществе. В-третьих, это образцы, модели, эталоны социально-политического сознания и поведения людей. В-четвертых, они представляют собой формы организации социально-политических связей и отношений людей.

Таким образом, политическая институционализация как органичная функция общественной системы характеризуется следующим: удовлетворение определенных общественных потребностей; интернализация во внутреннем мире личности принятых в общественной жизни норм и ценностей, т.е. социализация, обеспечивающая согласованность и сходство поведенческих ориентаций людей; организационное установление, упорядочение и оформление деятельности учреждений.

Интерес к изучению политической культуры человека объясняется, прежде всего, тем важным обстоятельством, что, например, слабое институциональное развитие этого феномена, превращается в мощное препятствие на пути общественных преобразований, и наоборот. Сравнительное изучение политических систем пяти демократических стран мира, осуществленное американскими учеными Г. Алмондом и С. Вербой, подталкивало исследователей к выводу, что одни и те же политические структуры и институты работают в разных странах с различной эффективностью, а если их перенести в другую среду (предположим, из Европы в Азию), то не работают вообще. Оказывается, политические институты функционируют должным образом только тогда, когда встроены в адекватный им культурно-исторический контекст, а действующие в их рамках группы людей обладают соответствующими данному контексту культурно-психологическими характеристиками

Политическая культура человека рассматривается как органическая взаимосвязь двух нерасторжимых сторон: “человека в политической культуре” и “политической культуры в человеке”. Взаимосвязь человека и политической культуры – не поверхностна и не случайна, а напротив, фундаментальна и прочна. Можно утверждать, что человек и политиче-

ская культура взаимообуславливают типологические характеристики друг друга, создавая основу для реконструирования своеобразных социальных “моделей” политической культуры человека. Изучение таких “моделей” позволяет также раскрыть реальные черты политической культуры конкретного общества. Это становится очевидным при рассмотрении их взаимодействия в исторической динамике, на стыке “временных интервалов” развития общества.

Необходимо подчеркнуть, что до сих пор внимание исследователей приковано в основном к изучению такого феномена, как “политическая культура общества”, а не “политическая культура человека”. При этом предполагается возможность раскрытия социальных качеств человека путем политико-культурологического измерения общества. Однако, общеизвестно, человеческие черты не являются механическим воспроизведением характеристик общества. Связь между ними не прямая, а опосредованная. Многообразные воздействия общества преломляются через внутренние условия развития человеческой личности. Поэтому возникает необходимость рассмотрения феномена “политической культуры человека” как специфического предмета познания. Несмотря на большое внимание, уделяемое учеными изучению политической культуры в различных ее проявлениях, этот аспект проблемы не стал до сих пор предметом обобщающих исследований, именно оставаясь вне пределов серьезного осмысления и обобщения.

“Модель” политической культуры человека есть определенный образец, тип сознания и поведения личности в системе властных отношений общества. “Личность” в данном контексте выражает понятие сущностных, социально значимых черт, признаков человека. “Модель”, “образец”, “тип” политической культуры человека рассматриваются нами как содержательно близкие. Образцы, типы политико-культурологического сознания и поведения людей определяют параметры и классификацию различающихся моделей, а не наоборот.

О политической жизни можно сказать следующее. Во-первых, несмотря на то, что политическая жизнь является лишь одной из

сфер общественной системы, наряду с другими, она обладает особыми свойствами, признаками и функциями. Сейчас со всей определенностью можно говорить, что в истории не существовало, за исключением первобытно-общинного строя, и не существует какого-либо «аполитического» общества, поскольку все сферы и области общественной системы в той или иной форме и степени изначально политичны. Общество едино в качестве политического сообщества. Политическое начало в жизни общества выполняет интегрирующую функцию. Исполнение этой функции обеспечивается общеобязательностью велений государственной власти. Представленная в системе вполне зримых, «телесно оформленных» политических и неполитических институтов и организаций, государственная власть вместе с тем незримо растворена в социальной ткани общества, пронизывая, в сущности, практически каждого живущего в нем индивида, и потому не является силой, отличной от силы, присущей гражданам общества. И в этой органической связи члены гражданского общества, самостоятельно организующие свою жизнь, тем не менее, также подвергаются воздействию, хотя бы через законодательный механизм, всей системы государственной власти. Поэтому они находятся не вне, а внутри власти, выступая ее носителями, исполнителями и адептами. Следовательно, можно сделать вывод, что политическая жизнь в целом и государственная власть в частности, оказывают решающее влияние на процесс формирования типологических характеристик личности.

Во-вторых, политическая власть может лишь принудить человека выполнить определенные действия, но заставить сформироваться духовным качествам личности, которые, собственно, определяют направленность типологических характеристик человека, не способна. Именно поэтому общеобязательной становится роль культуры. Культура, в узком понимании представляющая совокупность иерархически соподчиненных и преемственно передающихся ценностей, выступает в роли непосредственного участника формирования типичных качеств личности.

В-третьих, эффект формирующего воздействия на процесс складывания типологиче-

ской структуры личности значительно усиливается в результате органичного синтеза политической власти и культурных ценностей в таком институте, как политическая культура. В этом случае политическая культура является связующим звеном между политикой и личностью, институтами политической системы и так называемым национальным характером народа, социально-групповыми, индивидуальными ориентациями, ценностями, предпочтениями людей. Политическая культура, определенным образом ориентируя сознание и направляя поведение человека, вовлекает его в орбиту властных взаимоотношений с другими людьми. В строгом смысле политическая культура творит духовную и поведенческую основу системы властвования в обществе.

И наконец, в-четвертых, поскольку политическая культура представляет собой пространство органичного соединения факторов материального и духовного, объективного и субъективного порядка, относится как к сфере политической жизни, так и к сфере гражданского общества, постольку именно она, очевидно, оказывает мощное комплексное воздействие на устойчивое формирование и качественное обновление типологических характеристик личности. Складывается тесная взаимосвязь трех моментов: типологических характеристик личности – направленности политической культуры – деятельности политических организаций. Чтобы предать осмыслению, почему политические институты и организации действуют по-разному в разных странах и в различные эпохи, почему они оказываются дееспособными в одних исторических условиях, а в других нет, необходимо расшифровать конкретную логику содержательной взаимосвязи этих трех моментов на стыках временных интервалов.

Известно, что побудительные мотивы человеческого поведения отправляются от таких важнейших факторов, как приказ, закон, интерес и вера. Человек в многообразии своих деяний либо подчиняется приказу, либо следует закону, либо преследует интерес, либо убеждается верой. Конечно, в реальной жизни мы сталкиваемся с тем или иным их сочетанием, но исторически во всех случаях стимулирующей и укрепляющей основой оказывается

власть. Власть отдает приказы, издает законы, направляет интересы, укрепляет веру.

Однако в какой степени все эти факторы органично вписаны, “овнутрены” в духовную структуру человека?

Власть, общественные и политические институты, государственные органы, заставляя человека совершать те или иные поступки, не обладают конкретными механизмами формирования требуемых духовных качеств индивида. А ведь эти качества определяют направленность типологических характеристик личности. Любой власти всегда желательно, чтобы люди уж если не с удовольствием, то во всяком случае, без сопротивления исполняли ее повеления. А это легче достигается при соответствующем духовном, морально-психологическом настрое. Какой институт общества способен создать такой настрой?

Такой способностью обладает политическая культура. Специфика ее предметного содержания может стать тем механизмом, с помощью которого оказывается возможным “трансляция” властного волеизъявления в духовно ориентирующее качество сознания и поведения конкретно-исторической личности. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что эта связь не представляет картину какого-то однолинейного движения, а является сложным, зигзагообразным взаимодействием. Поэтому этот вопрос требует тщательного и многостороннего анализа.

“...Сколько бы свобод у нас ни отнимали, свобода воли остается неотчуждаемой”¹. Это красивое изречение верно, когда мы рассматриваем личность в рамках ее развития, в ситуации, приближенной к идеальной. Действительно, никакая власть, даже сломив человека телесно, обездолив материально, лишив всех прав, не может отнять свободную волю духовной личности. И этот факт подтверждается героическими примерами из истории. Индивидуальные судьбы таких персонажей, как Жанна д'Арк, Мартин Лютер, Джордано Бруно и других духовных вождей, ярко свидетельствуют о невозможности сломить волю, если

личность обладает мужеством сопротивляться гнету окружения и терпеть, казалось бы, нестерпимые мучения.

Вместе с тем, очевидно и то, что эти примеры являются исключением, а не правилом. (Однако, исключения, которые были таковыми в ситуации “устоявшегося порядка”, могут стать правилом, если ситуация коренным образом меняется и порядок ломается, открывая дорогу каким-то новым явлениям и процессам. Обычно это происходит на “переломных” этапах истории. И тогда-то, что олицетворяло единичное и особенное “трансформируется” в общее и типичное). Как правило, всякая власть, любое отношение господства-подчинения, проявляющее себя в реальной жизни, – это “присвоение” чужой воли. Зачастую в исторической практике власть и сопровождающее ее принуждение эффективно осуществлялись лишь в условиях определенного морально-психологического воздействия и внушения. Само создание властного авторитета есть нравственно-психологический акт, необходимыми предпосылками которого являются мотивы покорности, готовности к повиновению².

Власть, по нашему мнению, – это возможность приказывать в таких обстоятельствах, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться. Однако власть, как показывает исторический опыт, не всегда только приказывает, но и призывает, заинтересовывает и уверяет. И во всех этих случаях опорными механизмами духовного воздействия и реального подчинения оказываются различные типы и формы политической культуры. Следовательно, политическая культура является институциональным образованием, выполняющим функцию формирования таких духовных качеств в структуре личности, которые “адекватны” требованиям действующей власти, или, напротив, какой-то общественной силы, не обладающей властью, но потенциально претендующей быть ею, либо в “жесткой”, принудительно-насильственной, либо в “мягкой”, свободно-добро-

¹ Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. – 1988. – №6. – С.17.

² Власть как социальная практика. Исторические и социально-антропологические исследования. Геттинген, 1991 г. // Вопросы истории. – 1993. – №6. – С.174.

вольной, формах, создает ситуацию “присвоения” человеческой воли.

Нужно заметить, что исторические формы “присвоения” чужой воли были весьма многообразными. Это многообразие в определяющей степени обусловлено конкретно-историческими обстоятельствами взаимозависимости государства и общества, политического государства и гражданского общества, государственного и личного начал в общественной жизни.

Характерно лишь то, что чем ближе к современности подступает исторический процесс, тем в большей мере действие механизма “присвоения” приобретает цивилизованно-гуманистический характер, все чаще совпадая с направленностью реальных потребностей людей, а в развитой демократической системе и вовсе становится отражением сути объективных интересов всего общества.

В научной литературе имеет широкое распространение точка зрения о том, что теория государства зародилась и развивалась еще с античной эпохи. Социальные же идеи аккумулировались в целостные теоретические концепции в различные периоды Нового времени: чаще всего – в XIX в. (как правило, приводят имена таких мыслителей, как Смит, Риккардо, Гизо, Тьерри, Минье, Гегель, Конт, Спенсер и др.); реже – в XVII–XVIII вв. (Гоббс, Локк, Пуффендорф, Руссо, Пейн и др.). И лишь в отдельные моменты социальная мысль получает свое обобщенное выражение в эпохах античности, средневековья, Возрождения. Это было связано с реальным соотношением и ролью в историческом процессе государства и общества. Государство на длительном этапе развития выступает в качестве ведущей силы, активно-преобразующего начала, а общество оказывается в роли ведомого. Государство – это “демиург”, творец, созидатель, а общество – это глина в руках мастера, материал, из которого можно вылепить либо совершенное, либо негодное изделие.

До XIX в. реальная история остается преимущественно политической, а объектом борьбы различных группировок является трактовка форм государственного строя и правления. И только с XIX в. история обретает четко очерченный социальный характер, центр при-

тяжений и столкновений перемещается с государственных форм в сферу хозяйственной жизни, в область частных имущественных интересов, когда явно наблюдается процесс, в ходе которого политические революции постепенно уступают место экономическим и социальным реформам как факторам общественных преобразований.

Известный российский социолог М.А. Рейснер, выражая не просто личную позицию ученого, а некое уже устоявшееся умонастроение научной среды, писал в XX в.: “История до последнего времени была исключительно историей политической”; только весомые события первой половины XIX в. привели, “с одной стороны, к некоторому освобождению от политического гипноза, а с другой – к появлению понятия общества как чего-то самостоятельного и своеобразного рядом с понятием государства”¹. (Парадоксален сам по себе тот факт, что, несмотря на свою длительнейшую историческую эволюцию, по сравнению с которой история государства прямо-таки кажется кратчайшим мгновением, общество становится предметом специального теоретического изучения лишь на зрелом этапе развития).

Итак, исторический процесс долгое время развивался под определяющим воздействием политических факторов. Социальные факторы, конечно, также действовали, нередко весьма активно, но в целом они все же оказывались в тени, проявляясь иногда в форме политических требований и манифестаций. История носила в основном политический характер, но главное действующее лицо истории – государство – не обрело еще своих специфических, присущих его содержанию и сущности, политико-управленческих функций. Это говорит лишь о том, что государство выступало на сцене общественной жизни в роли всеобъемлющего явления и скрывало под своим «левиафановым» телом большинство компонентов общественного организма. И лишь развернувшееся с Нового времени движение к вычленению и обособлению политического

¹ Рейснер М.А. Государство и общество // Итоги науки в теории и практике. – М., 1914. – Т.11. – С. 167.

содержания и политических функций государства постепенно привело к формированию и развитию политического государства в ряде европейских стран.

Терминологически понятия “общество”, “государство”, “правительство” находят свое место и используются уже в древнегреческой и римской культурах, но четкого содержательного различия между ними еще не проводится. Платон определяет государство как “организованное общество”. Аристотелю также не удается реконструировать генезис государства и общества, разграничить их как понятия. Он рассматривает “государственное общество”. (Правда, некоторые авторы считают, что “*zoon politicon*” (“политическое животное”) Аристотеля не всегда точно переводится, поскольку не учитывается многозначность античного понятия “политика”, включающего в себя и форму государственного устройства, и политику, и формы социальной жизни. Критерием же “чисто” политических отношений становится направленность их на обладание политической властью¹.

Несмотря на этот факт, объективный процесс закладывания основ политического государства и гражданского общества происходит, как хорошо известно, в античной Греции и республиканском Риме. К сожалению, в эпоху феодальной Европы, последовавшую вслед за крушением Римской империи, античные традиции были полностью отринуты и забыты. Понадобились колоссальные изменения эпохи Ренессанса, чтобы европейское политическое сознание, пробудившись от религиозно-догматического мышления, востребовало соответствующие духу времени античные ценности.

Лишь в позднем средневековье, на раннем и среднем этапах Нового времени ряд авторов проводит более глубокую дифференциацию понятий “политического государства” и “гражданского общества” (Фома Аквинский, Марсилий Падуанский, Никколо Макиавелли, Жан Боден, Томас Гоббс, Джон Локк и др.)².

¹ См.: Куркин Б.А. “*Homo politicus*” как объект философско-антропологического анализа // Вопросы философии. – 1986. – №6. – С.96.

² Becker H., Barnes H.E. Social thought from lore to science. – 1961. – Vol. 1. – P.177.

Что касается Востока, то, например, в традиционной китайской и в целом восточноазиатской мысли не находит какого-либо распространения понятие общества как независимой области жизнедеятельности свободных индивидов, противостоящей государству, этой иерархически организованной власти. Термин “гоцзя” (букв. “государство-семья”) доминирует абсолютно во всех сочинениях древних и средневековых китайских авторов. Неологизм “шэхуй”, употреблявшийся во время правления Сунской династии в значении религиозной общины, был заимствован у японцев, которые в XIX в. с его помощью обозначали понятие “общество” уже в европейской трактовке³.

Выход на передний план исторического действия самого общества в качестве решающего субъекта ставил перед мыслителями вопрос о том, в каком взаимосоотношении находятся общество и государство, являются ли они противостоящими или, напротив, солидаризирующимися силами?

В первой половине XIX в. получает “кристаллизацию” идея об обществе, как сфере социально-экономической, хозяйственной жизни, области, в которой разворачивается борьба частных имущественных потребностей и интересов, а о государстве – как выразителе и защитнике общих интересов и потребностей, органе, обеспечивающем единство и целостность общества. Они тесно взаимосвязаны, но в то же время обладают самостоятельностью и, более того, нередко противостоят друг другу.

Следовательно, отмечают современные исследователи, происходивший начиная с XVII в. в западноевропейских странах, раскол между абсолютистскими монархиями и набиравшим силу “третьим сословием”, все больше обнаруживал различие между подданным и гражданином, гражданином и человеком, государством и обществом. Все четче и яснее вставал вопрос: “Государство существует для людей или, напротив, люди существуют для государства?” Медленно, но неуклонно осознавалась самоценность человеческой личности. Это находило отражение в признании не-

³ Strand D. Protest in Beijing: Civil Society and public sphere in China // Problems of communism. – Washington, 1990. – Vol.39. – № 3. – P. 19.

отъемлемых “естественных прав” индивида, т.е. прав, которые не дарованы богом, государем, общиной или кем-то еще, а даны человеку от рождения, по природе. Все чаще предмет размышлений касался того, что человек как существо свободное не может приноситься в жертву гражданину государства, а гражданин, в свою очередь, в жертву подданному. Гражданское общество существует для того, чтобы обеспечить права человека, а политическое государство – права гражданина¹.

Идея о взаимосвязанности общества и государства, об их противостоянии как самостоятельных сфер, получившая основательную разработку в трудах мыслителей Нового времени, венчается теоретическими концепциями Гегеля, Конта, Маркса. Исторический процесс “вычленения” и “обособления”, или “кристаллизации” внутренней сущности и структуры государства и общества, формирования того, что Маркс называл “специфической логикой специфического предмета”, объясняется этими мыслителями в терминах “политического государства” и “гражданского общества”. «Термин “гражданское общество” этимологически неудачен, – отмечает В.Е. Чиркин, – так как “гражданин”, “гражданство” имеет как раз противоположную цель – подчеркнуть его самостоятельность, независимое бытие от государства. Однако это словосочетание утвердилось в науке и политике, а соответствующая замена ему пока не найдена». И действительно, с одной стороны, понятия “гражданин”, “гражданство” отражают становление нового типа государства, так называемого “государства-нации”, национального государства, ограничивающего свою деятельность осуществлением чисто “политических” функций. Совершенствование такого государства заняло всю эпоху Нового времени. Гражданин – продукт развития этого государства. С другой стороны, очевидно и то, что именно совокупность граждан, преследующих свои интересы, образует то, что именуется “гражданским обществом”. Понятия “политическое государство” и “гражданское общество” отражает в логическом

¹ См. например: *Линсем С.* Политическая социология // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. – М., 1965.

контексте самую зрелую форму исторически развивающегося содержания государства и общества.

Предметное разграничение характеристик политического государства и гражданского общества открыло возможность европейским мыслителям искать критерии исторической взаимосвязи и соотношения между ними. Одни авторы полагали возможным устранить противоречия между обществом и государством и пытались дать теоретическое решение данной проблемы (Гоббс, Локк, Руссо и т.д.); другие обосновывали определяющую роль общества и считали необходимым жестко контролировать или вовсе уничтожить государство (Сен-Симон, Прудон, Маркс и др.); третьи, напротив, доказывали суверенный характер государства по отношению к обществу, подчеркивали логическую и практическую целесообразность подчинения социальных институтов государственной власти (Боден, Гегель, Лоренц фон Штейн и др.).

Как уже отмечалось, реально-историческое становление гражданского общества с его самостоятельным населением, преследующим частные интересы и объединяющимся в свободные ассоциации, стало мощным источником появления и интенсивного развертывания качеств индивидуальной личности. Частная жизнь, являющаяся исторической формой бытия человека в гражданском обществе, освобождает его от всепоглощающей зависимости по отношению к государству. Выполнение гражданского долга перед государством оказывается лишь частичным отражением целостной жизни человека. Вычленение и “самодентификация” политического государства и гражданского общества стали необходимыми предпосылками и условиями освобождения европейской личности от устаревших, но еще продолжающих сохраняться с феодальных времен иерархических общественных и государственных структур, формирования и развития индивидуально ориентированного человека. Наступает время, когда индивид в своем развитии сталкивается с ситуацией свободного выбора действий и центр мотивационной сферы его сознания и поведения как бы незримо, но неумолимо перемещается во внутреннюю структуру личности. Теперь уже сама лич-

ность начинает чувствовать свою ответственность перед исторической судьбой. (Если, начиная с Аристотеля, человек трактуется преимущественно как “животное политическое”, высшее назначение которого – участие в общественной жизни во имя общего блага, то уже со времен Гоббса постепенно утверждается мысль, что человек является “частным животным”, политическое участие которого имеет целью достижение личных интересов).

В отличие от государств, основанных на принуждении и насилии, по мнению Т. Гоббса, политическое государство возникает в результате добровольного согласия граждан. Дж. Локк присоединяется к этой точке зрения, также акцентируя внимание на моменте согласия в процессе образования такого государства. Иначе говоря, политическое государство предполагает свободное волеизъявление, выраженное в форме добровольного соглашения граждан между собой. Это очень важный момент, позволяющий объяснить, каким образом развитие политического государства и гражданского общества порождает из своих недр суверенную личность. Личность как человек имеет “естественные” права на жизнь, счастье, свободу, собственность и т.д., а как гражданин наделяется политическими правами. Условием существования гражданского общества и политического государства выступает личность и ее право на самореализацию.

Выход на авансцену, наряду с политическим государством и гражданским обществом, нового действующего лица, – свободной и ответственной личности, – породил множество неизвестных ранее проблем. Одной из самых сложных, вызывавших на каждом историческом витке обсуждения бурю многочисленных дискуссий, оказывалась проблема взаимодействия и соотношения государственного и личного начал в общественной жизни. Недаром французский историк Гизо как-то в своих заметках сравнил отношение между государством и гражданским обществом с отношением публичной власти и индивидуальной свободы. Маркс подчеркивал: “Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в действительности, в жизни, ведет двойную жизнь, небесную и

земную, жизнь в политической общности, в которой он признает себя общественным существом, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо”¹.

Как же решалась проблема соотношения государственного и личного начал? Именно она оказывалась тем узловым пунктом, который разводил позиции мыслителей по разные стороны “баррикады”, превращая их в непримиримых теоретических оппонентов. Так, Гоббс полагает необходимым гражданам отказаться от части своих прав и вручить их государству, чтобы обеспечить мир и уйти от крайне опасной ситуации “войны всех против всех”, в которой люди пребывают, находясь в естественном состоянии и стремясь преобладать над другими. Только обеспечение интересов мира и самозащиты каждого и всех дает гарантию реального воплощения “естественных” прав отдельной личности². Напротив, Локк считает потребным отмеривать государству минимум полномочий, чрезвычайно осторожно и скупно давая ему лишь те функции, без которых оно не может осуществлять свои задачи, сохраняя за индивидом “естественные” права, принадлежащие ему по природе, разуму и свидетельствующие о естественном состоянии как необходимом условии равенства, “при котором всякая власть и всякое право являются взаимными, никто не имеет больше другого”, что само по себе исключает “состояние своеволия”³.

Эти авторы решают принципиальнейший вопрос политической философии, владевший умами всех мыслящих людей с древности до настоящего времени, совершенно с разных точек зрения. Первый ратует за доминирующую роль государственного начала в общественной жизни, а второй, наоборот, выдвигает на передний план в качестве определяющего начала индивидуальную личность.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1. – С. 390–391.

² Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 96–98.

³ Локк Д. Избранные философские произведения. – М., 1960. – Т. 11. – С. 7.

Европейским странам, строившим капитализм на всем протяжении Нового времени и, следовательно, внедрявшим в общественную жизнь частнособственнические отношения и рыночные механизмы взаимодействия людей, более близкими по “духу и материи” оказались теоретические установки Локка. Идеи Локка получили дальнейшее развитие в политических и экономических концепциях Монтескье, Токвиля, Константа, Милля и многих других выдающихся мыслителей. Основой этих концепций была мысль об организации такой политической и экономической системы, в которой стержневая роль принадлежала автономной, защищенной от неуместных посягательств государства свободной личности, обладающей уже в силу своего рождения и по природе рядом неотчуждаемых прав. И, прежде всего, правом на свободу и частную собственность. Их суть и содержание воплотились в формулировках Декларации прав человека и гражданина в эпоху Великой французской революции и в Декларации независимости США.

Минимальное проявление государства на общественной арене и предоставление максимальных возможностей свободного действия индивидуальной личности – основное требование либерально-демократических теорий, развивавшихся на европейской и американской почве в XIX в. Реализованное в практике западного капитализма требование о предоставлении доминантной роли в обществе самоорганизующейся индивидуальности породило целую эпоху “laissez-faire”¹. Государство в этот период берет на себя роль лишь своеобразного “ночного сторожа”, озабоченного поддержанием порядка и безопасности граждан, а также устанавливающего общие рамки свободной конкуренции между отдельными товаропроизводителями.

И только катастрофическое положение, сложившееся в ходе мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., в США получившего название “Великой депрессии”, привело к осознанию необходимости активной регулирующей роли государства. Эта идея была тео-

ретически обоснована в экономической концепции Дж.М. Кейнса. С тех времен мысль о правомерности вмешательства государственной власти в общественно-экономическую жизнь с целью разумного (лишь в определенных пределах) регулирования становится органичной частью системы теоретических положений так называемого нового либерализма. В отличие от традиционного либерализма, исповедовавшего принципы индивидуальной свободы, а также ничем не ограниченной игры рыночных сил и частнособственнических отношений, правила которой лишь в минимальной степени регулируются государством, новый либерализм, по мнению американского ученого Дж.К. Лоджа, характеризуется признанием растущей роли государства как “планирующего” и “координирующего” органа, распространением духа “солидаризма” и “хотлизма”, в связи с чем “прямое вмешательство государства в регулирование экономической деятельности осуществляется в соответствии с определенными представлениями сообщества («community») о справедливости”, в частности соблюдением прав всех индивидов в поддержании должного уровня доходов².

Противостоящее ему консервативное направление политической мысли, особенно в США, выступало с критикой позиции нового либерализма, осуждая его за то, что он отбросил ценности и идеи традиционного либерализма. Консерватизм отстаивает идею абсолютного невмешательства государства в деятельность и отношения независимой, суверенной в своих поступках индивидуальной личности. “...Необходимым условием индивидуальной свободы, – подчеркивает американский экономист, известный критик кейнсианства, лауреат Нобелевской премии М. Фридман, – является организация основных видов экономической активности посредством частного предпринимательства, действующего в рамках свободного рынка”. С его точки зрения роль государства сводится к “обеспечению стабильной правовой и монетарной основы для рынка”, а “коллективное экономическое пла-

¹ Франц. употребляется в смысле: предать делу идти своим порядком; в дискуссиях позиция невмешательства, недоговоренности.

² Lodge G.K. The New American Ideology. – N.Y., 1976. – P. 16, 120.

нирование мешает индивидуальной свободе”¹. Следовательно, эффективна и справедлива такая политическая и экономическая система, которая “дает максимум свободы”².

Разумеется, идейно-политическая ситуация во второй половине XX в. как в западных странах, так и вне данного пространства, представляет собой чрезвычайно сложную и мозаичную картину, в которой проблема взаимосвязанности и противостояния между государственным и личностным началами в общественной жизни не всегда четко и однозначно находит адекватное отражение в сплетении и разноречии многочисленных теоретических течений и концепций. (Например, лишь в одной стране, США, в настоящее время существуют, развиваются и противоборствуют друг с другом такие крупные теоретические традиции, как либеральная, консервативная, праворадикальная, леворадикальная, неолиберальная, неоконсервативная и т.д., которые в ходе своей эволюции имеют прагматическую тенденцию отбрасывать, изменять, перенимать друг у друга какие-то положения, установки и нормы, в результате чего идейно-политический “ландшафт” предстает достаточно пестрым). В целом же наблюдаемая идейно-политическая пестрота имеет ярко проявляющуюся в последние десятилетия, любопытную и, причем устойчивую, тенденцию. Это – “маятниковость” политической и экономической практики в выборе тех или иных идейно-теоретических установок. “Рейганомика” в США, “тэтчеризм” в Англии, как видно, не выражение лишь личной воли и индивидуаль-

ных предпочтений первых лиц в иерархии государственной власти.

Предпочтение, отдаваемое государственному началу, как фактору, способному обуздать хаос “свободной” борьбы людей и стихию далеко зашедшей рыночной конкуренции, когда экономическая жизнь начинает пробуксовывать и социальная напряженность грозит перейти приемлемые границы, как правило, через определенный промежуток времени, вновь сменяется, теперь уже стремлением вернуть самостоятельно действующего на рыночном поприще индивида, т.е. утвердить главенство личностного начала. И причина такой смены кроется в желании поддерживать в обществе экономическую эффективность и социальную справедливость.

Представляется, что тенденция последовательного, подобно “маятниковому” движению, перехода от приоритета государственного начала к приоритету личностного начала, а затем наоборот, как показывает практика, становится довольно устойчивым явлением в политическом и экономическом курсе многих современных стран. Вместе с тем, политики, выбирая те или иные ориентиры развития для своей страны, всегда искали и сейчас стремятся найти “компромиссные” грани, сглаживающие острые углы между этими фундаментальными началами и приводящие их в некое “равновесное” состояние, что, пожалуй, служит гарантией долговременного благополучия.

Этот краткий исторический экскурс в области изменяющихся с течением времени взаимосвязей государства и общества, политического государства и гражданского общества, государственного и личностного начал позволяет понять обстоятельства выдвижения на первый план в разных “переходных” эпохах какой-то определенной институциональной системы политической культуры, проследить и зафиксировать этапы противоречий и столкновений между ее отдельными частями, звеньями, формами и типами.

¹ *Friedman M. Capitalism and freedom // Essays on individuality. – Indianapolis: Liberty press, 1977. – P. 239, 243, 257.*

² *Friedman M. What happened to equality? // Dialogue. – 1976. – №2. – P. 96.*